

Щенок очень за тебя переживает...

— Обсуждаем те два текста Чэнь Чжихэна, — Гэн Гуаньгуань, обладавший неискоренимой тягой к сплетням, воодушевлялся всё больше.

Он даже не заметил, как Лян Жувэнь совершенно естественным жестом переставил тарелку с невкусной рыбой от Шу Мина к себе. Сам юноша настолько привык к подобной заботе со стороны своего «сотрапезника», что даже не повёл бровью.

Отложив приборы, Шу Мин весело сообщил Гэн Гуаньгуаню:

— Мы с Ганшэном теперь настоящие друзья.

«Настоящие друзья»?

Шу Мин пробыл в Гонконге всего ничего, а этот Ганшэн уже успел из просто знакомого превратиться в «настоящего друга»?

Рука Лян Жувэня на мгновение замерла. Ему стало почти смешно от досады. Он сам кормил и поил этого мальчишку на протяжении двух месяцев, прежде чем удостоиться звания друга, а тут какой-то выскочка за неделю... В душе шевельнулось чувство опасности, которое Лян поспешил оправдать простой тревогой за подопечного. Что за человек этот Ганшэн? Не воспользуется ли он наивностью юного Шу Мина?

Закончив разговор с Гэном, Шу Мин наконец обратил внимание на Лян Жувэня, которого не видел какое-то время. И тут же замер в изумлении.

Редко можно было увидеть Лян Жувэня в таком официальном виде. Обычно он предпочитал максимально расслабленный стиль, но сегодня на нём был безупречно сидящий строгий костюм. Идеально подогнанный пиджак подчеркивал атлетичную фигуру и широкие плечи. В сочетании с короткой стрижкой и явным недовольством на лице, Жувэнь выглядел крайне внушительно, даже подавляюще.

Очевидно, он примчался сюда сразу после каких-то важных дел, даже не успев переодеться.

Шу Мин скользнул по нему взглядом, интуитивно чувствуя, что Лян не в духе. Он подался вперёд и бесхитростно спросил:

— Ты сегодня чем-то расстроен?

Лян Жувэнь, пребывавший в пучине мрачных раздумий, вдруг почувствовал, как к нему прижалось что-то мягкое и теплое. Столкнувшись с обеспокоенным взглядом «щенка», он ощутил, как всё его раздражение, гнев и ревность мгновенно испарились.

— Вовсе нет, — голос Ляна смягчился. — Просто дел было много, немного устал.

Помолчав, он как бы невзначай уточнил:

— Так о чем вы болтали? Что еще за Ганшэн?

Гэн Гуаньгуань закатил глаза так сильно, что едва не увидел собственный затылок:

— Да какой еще это может быть Ганшэн? Ученик Чэнь Чжихэна, конечно! Чэнь Ганшэн.

Пока в ресторане поминали его имя, Чэнь Ганшэн усердно молот кофе для своего учителя. Чэнь Чжихэн привык начинать день с этого напитка, и Ганшэн за время обучения достиг в искусстве его приготовления немалых высот.

— А текст вышел весьма недурным, — в комнате, наполненной ароматом зерен, мастер поправил очки в тонкой оправе. Он дважды прочел рукопись, только что поданную учеником, и удовлетворенно улыбнулся. — Похоже, прогулки с Шу Мином пошли тебе на пользу. Вдохновение наконец вернулось?

Ганшэн не только горой стоял за Шу Мина перед наставником, но и умудрился в перерывах между прогулками закончить стихи, над которыми бился долгое время. С тех пор как он стал учеником мастера, он не раз пытался писать самостоятельно, но Чэнь Чжихэн лишь качал головой, говоря, что его строкам не хватает «искры».

Так оно и было. Всё, что Ганшэн публиковал раньше, оставалось незамеченным публикой, словно камни, брошенные в бездонный колодец. И вдруг... работа, написанная почти на одном дыхании, получила одобрение самого Чэнь Чжихэна!

От этого внезапного счастья у Ганшэна голова пошла кругом. Он не знал, куда деть руки и как ровнее поставить ноги. Неделя, проведенная с Шу Мином, определенно стала его счастливым временем! Признаться честно, он и сам редко гулял по Гонконгу с таким удовольствием, и теперь, впервые за долгое время получив похвалу учителя, он едва сдерживал ликование. Ему нестерпимо хотелось немедленно поделиться этой новостью с Шу Мином, но в присутствии наставника пришлось соблюдать приличия.

Впрочем... когда Ганшэн снова набрался смелости, чтобы заговорить о своем друге, Чэнь Чжихэн жестом прервал его.

— Ладно, не продолжай. Я позвал этого мальчишку именно потому, что готов дать ему шанс. Иначе зачем бы я заставлял человека проделывать такой долгий путь?

Чэнь Чжихэн редко пускался в столь пространные объяснения, и сделал он это лишь для того, чтобы успокоить ученика. Сказав это, он устало потер переносицу, давая понять, что разговор окончен. Ганшэн тихо покинул комнату, и за ним мягко щелкнул замок.

— ...Но не стоит принимать это слишком близко к сердцу. Даже если бы Ганшэн не стоял за тебя горой, Чэнь Чжихэн всё равно дал бы тебе шанс.

В ресторане Лян Жувэнь не спешил приступать к еде, методично раскладывая ситуацию для Шу Мина. Собственно, он пришел сюда вовсе не ради ужина. Узнав от Гэн Гуаньгуаня, что тот привел «какого-то паренька» в ресторан, Лян сразу догадался, что речь о Шу Мине, и тут же сорвался с места.

Проще говоря, он проделал весь этот путь исключительно ради него. Поэтому сейчас Лян даже не притрагивался к палочкам, полностью сосредоточившись на будущем Шу Мина.

Хотя Чэнь Чжихэн и отправил ученика развлекать гостя — что само по себе было своеобразным испытанием, — мастер не из тех, кто тратит время впустую.

— Если бы он не планировал дать тебе шанс, он бы не звал тебя в Гонконг. Он слишком занятой человек для пустых развлечений.

Скорее всего, Чэнь Чжихэн уже всё для себя решил, а личная встреча была лишь последней формальностью. Мастер всегда ценил эмоциональный резонанс выше вокальной техники. Как он любил повторять: «Если поймал эмоцию — остальное приложится».

— Хорошо, я понял, — Шу Мин слушал очень внимательно, серьезно кивая в такт словам.

Под пристальным взглядом Лян Жувэня юноша аккуратно вытер рот салфеткой, а затем обернулся и подозвал официанта.

— Будьте добры, еще одну порцию этого десерта из бобов с цедрой.

Гэн Гуаньгуань изумленно уставился на свою тарелку:

— Неужели настолько вкусно? Съел одну и сразу заказываешь вторую? По мне так — обычный уровень.

— Вкусно. Но вторую порцию я заказал не для себя, — Шу Мин повернулся к Лян Жувэню. — Не грусти. Мне это блюдо правда понравилось, и я хочу, чтобы ты тоже его попробовал.

Гэн Гуаньгуань едва не прыснул со смеху.

— Минь-цзай, он же один из совладельцев этого заведения! Ты угощаешь его блюдом из его же ресторана?..

«Всё-таки он еще совсем ребенок, — подумал Гэн, — любит сладости». Он и не заметил, какой многообещающий взгляд бросил на него Лян Жувэнь — взгляд, который так и говорил: «Еще одно слово, и я тебя придушу».

Но Гэн, не чувствуя опасности, продолжал болтать. Шу Мин же, сидевший сбоку, не видел глаз Ляна. Он лишь проигнорировал ворчание Гэна и тихо сказал Жувэню:

— Ты ведь ничего не ел с самого приезда. Поешь хоть немного, ладно?

Его «сотрапезник» был так явно не в духе, что маленький щенок просто не мог не проявить заботу. Из всего заказанного Шу Мину по вкусу пришлось только эти сладкие бобы. За месяц совместных обедов он узнал, что их вкусы во многом совпадают: то, что нравилось Шу Мину, Лян Жувэнь обычно принимал с удовольствием.

— Я хочу угостить тебя за твой же счет, — с улыбкой добавил юноша. — Господин Лян согласен?

Разумеется, Лян Жувэнь не мог отказать. Кислота в его душе, вызванная появлением новых друзей Шу Мина и невниманием мальчика, вмиг сменилась пузырьками счастья. «Всё-таки я для него на первом месте», — подумал он. Лян с едва заметной довольной улыбкой вмиг справился с рыбой, которую Шу Мин счел несъедобной, и уничтожил порцию бобов.

В конце ужина он сфотографировал чистую тарелку и выложил в соцсети с короткой подписью: «Друг пригласил на обед».

Он просто хотел запечатлеть момент, совершенно забыв о том, что не выкладывал ничего уже вечность. Появление публикации от человека, который годами хранил молчание, произвело эффект разорвавшейся бомбы. «Лян Жувэнь ведь теперь в тени?» «Друг угощает?» «И это в одном из самых дорогих ресторанов Гонконга...» Сеть мгновенно наполнилась слухами о его новом грандиозном проекте.

Пока общественность строила догадки, Лян Жувэнь лишь посмеивался. Для него это был просто обед.

Анализ Лян Жувэня оказался абсолютно точным. Всего через день Шу Мин получил сообщение от Ганшэна. Юноши встретились в уютном кафе с мощными кондиционерами.

Ганшэн сразу перешел к делу:

— Учитель спрашивает, свободен ли ты послезавтра? Он хочет пригласить тебя в студию для записи первой песни.

Разумеется, Шу Мин был свободен — ради этого он и приехал. Но один вопрос не давал ему покоя:

— Без прослушивания? Сразу записывать?

У него не было ни компании за спиной, ни продюсерской группы — он был вольным художником. И ему вот так просто отдают песню?

— Именно так, — Ганшэн сиял от радости за друга. — Ты понравился учителю с первого взгляда! Он сразу решил, что петь будешь ты.

Это была ошеломляющая новость. Даже Гэн Гуаньгуань, узнав об этом, не смог скрыть триумфальной улыбки. Его репутация как посредника и продюсера взлетела до небес: признание со стороны лучшего лирика Гонконга подтверждало, что у Гэна безупречный нюх на таланты. Шу Мин действительно оказался «золотой жилой».

Однако сам Шу Мин, который должен был прыгать от восторга, выглядел подозрительно серьезным. Казалось, эта новость не только не обрадовала его, но и добавила новых поводов для беспокойства.

Гэн Гуаньгуань поначалу решил, что ему показалось. О чем тут горевать? Хотя Чэнь Чжихэн и был мастером кантонской лирики, его тексты на путунхуа были ничуть не хуже. И песню Шу Мину предложили именно на общепринятом китайском — его «домашняя» территория, никаких проблем с произношением.

Так почему «щенок» так нахмурился? Песня идеально ему подходила. Чэнь Чжихэн, очевидно, долго вынашивал эту идею: мелодия и аранжировка были уже готовы. И хотя Гэн Гуаньгуань работал за идею, в качестве вокального продюсера, процесс продвигался споро.

Текст Чэнь Чжихэна повествовал о смятении юной души. В молодости мастер был совсем не похож на того добродушного дедушку, которым стал сейчас. Он был человеком страстей, а его любовные похождения годами смаковала пресса. И эта песня, выточенная им когда-то слово за словом, в сочетании с уникальной манерой Шу Мина, обрела то самое звучание — дерзкое, искреннее и невероятно трогательное.

Гэн Гуаньгуань во время записи не раз ловил себя на мысли: Шу Мин рожден для этой сцены. У этого мальчишки было врожденное чутье на то, как заставить слушателя полюбить его голос. Он точно знал, как расставить эмоциональные акценты.

Более того, после обучения у Лян Жувэня, обретя твердую базу и собственное видение, Шу Мин стал смелее. Он начал спорить с Гэном по поводу переходов между куплетом и припевом.

— Здесь эмоция важнее, чем техника, — твердил он.

Шу Мин не боялся жертвовать идеальной чистотой звука ради сохранения своего особенного произношения и живого чувства. И он оказался прав. Результат превзошел все ожидания.

Голос Шу Мина врезался в память мгновенно. Его манера выговаривать слова цепляла, заставляя переслушивать песню снова и снова. Это была та самая «изюминка», которая делает артиста узнаваемым.

Гэн Гуаньгуань подытожил:

— На самом деле певцы не боятся спеть плохо. Они боятся быть безликими. Боятся, что публика их не запомнит.

Он даже боялся представить, какой фурор произведет эта песня. Образ исполнителя всегда формируется его первым хитом.

— В прежние годы в Гонконге у каждого была своя ниша: кто-то годами пел о неразделенной любви и получал призы зрительских симпатий, кто-то строил образ «железной леди»... Все выезжали на четких ярлыках, и зрители никогда их не путали.

— Ты всё делаешь правильно! Это я поначалу сбился с пути, — Гэн похлопал Шу Мина по плечу. — Продолжай в том же духе. Лучше быть особенным и искренним, чем превращаться в глянцевою машину для вокала. С такой мелодией ты точно пробьешься. Верю в тебя, малый!

Шу Мин и эта песня были созданы друг для друга. Юноша словно подносил слушателю свое сердце на ладони — каждое слово было чистым и пронзительным. Это была музыка для тех одиноких ночей, когда хочется слушать одну и ту же мелодию по кругу, глотая слезы.

Однако... несмотря на то что запись шла как по маслу, и даже сам Чэнь Чжихэн, прослушав результат, предложил Шу Мину забрать весь цикл песен, Гэн Гуаньгуань видел — парня что-то гложет. Что еще страннее, в последнее время Шу Мин исчезал из студии сразу после работы. «Неужели его всё-таки кто-то втянул в неприятности?» — Гэн не на шутку разволновался.

А у Шу Мина были свои причины для тревоги. Пусть он пробыл в этой индустрии всего полгода, но эти полгода научили его многому. Жизнь — лучший учитель. И теперь некогда

беззаботному «щенку» пришлось экстренно взрослеть и учиться смотреть в будущее.

С самого начала записи Шу Мин считал расходы. Пока он мог записываться «в долг» благодаря связям, не тратя ни копейки. Но что потом? Нельзя же просто оставить готовую песню пылиться на полке. Ладно, продвижение одного сингла он еще как-то потянет. Но если он согласится на предложение Чэнь Чжихэна и решит выпустить целый альбом...

Шу Мин заглянул в свой кошелек — там было пусто. Чжэн Ивэй еще не выплатил весь гонорар за фильм, финальный платеж за саундтрек задерживался, да и этих денег на полноценный альбом никак не хватило бы.

Финансы пели романсы. Мечты разбивались о суровую реальность.

В конце концов Шу Мин решил поделиться своими бедами с Гэн Гуаньгуанем. Они сидели друг напротив друга в кафе с ледяным кофе в руках.

— Рассказывай, — подбодрил его Гэн. — Всё, что в моих силах, я решу!

Шу Мин долго молчал, подперев щеку рукой, а затем выдал новость, которая прозвучала как гром среди ясного неба.

— Гэн-гэ, — он глубоко вдохнул. — Ты ведь знаешь о «Хуаньюй Мьюзик»?

Гэн вскинул брови. Кто же в музыкальном мире не слышал об этой корпорации? Одна из трех крупнейших звукозаписывающих компаний планеты. Он еще не успел сообразить, к чему это, как Шу Мин добавил:

— Как думаешь, стоит ли с ними подписывать контракт?

Глаза Гэн Гуаньгуаня стали размером с блюдца.

— С тобой связались люди из «Хуаньюй»?

— Нет, — Шу Мин качнул головой. — Это я сам с ними связался.

Гэн Гуаньгуань только и смог выдавить:

— Что-о?!